

НАЗВАНИЕ: Деятельность политической полиции Российской империи в армейской среде на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в.

АВТОР: А.Д. Гронский

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Политическая полиция, жандармерия, армия, политический сыск, проверка благонадёжности, борьба с дезертирами, контрразведка

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ: 2003

ИЗДАТЕЛЬ: БГУ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ: Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2003. Сер. 3. № 3. – С. 35 – 39.

А.Д. Гронский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРМЕЙСКОЙ СРЕДЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Вооруженные силы Российской империи на протяжении XIX в. были слабо революционизированы. Конечно, оппозиционные настроения присутствовали в армии, но активно проявились они лишь в краткий период декабристского движения, после чего армия не выдвинула из своих рядов активных участников революционного движения. В частности, в 70-х гг. XIX в. на территории Беларуси в революционном движении принимало участие всего 4 человека, все они были солдатами или младшими военными специалистами, офицеры же в тот период вообще не состояли в революционных организациях. В тоже время по Российской империи в целом в революционном движении принимали участие как солдаты (2,5 % от всех революционеров), так и офицеры (0,9 %) ¹. Положение начало меняться в начале 80-х гг. Под влиянием народнической пропаганды в России стали появляться офицерские организации. Однако практически все они были разгромлены в течение года, и только в Беларуси по причине или серьезной конспирации или очень слабой активности организации продолжали существовать. Народнические офицерские организации занимались самообразованием, не вели никакой агитации среди солдат, оставляя эту работу агитаторам из рабочих, готовили свои силы к государственному перевороту. Они были оторваны от реальности ². Судя по всему, офицерские организации на территории Беларуси не имели никакого серьезного влияния на революционную активность региона. Во всяком случае, в конце XIX в. в Беларуси не было выступлений военнослужащих.

С 90-х гг. политическая полиция столкнулась с новой серьезной проблемой: в пограничных военных округах, расположенных в том числе и на территории белорусских губерний, стал подниматься вопрос военного шпионажа.

Территория Беларуси входила в состав Виленского военного округа (Виленский военный округ был образован в 1862 г. в процессе проведения военных реформ и расформирован в 1914 г в связи с началом Первой мировой войны). Свои интересы здесь имели соседние государства – Пруссия и Австро-Венгрия, которые стремились получить как можно более точные сведения о состоянии российских вооруженных сил, особенно на границе. Зарубежные разведки привлекали для своих целей русских революционеров и представителей различных национальных движений, особенно радикальных. Кроме того, часть агентов работала не из политических, а из финансовых соображений. В основном этим занималось еврейское население Российской империи ³. Исходя из этого, политический сыск в Виленском военном округе столкнулся с тем, что ему пришлось контролировать достаточно широкий круг подозреваемых.

Не оставляла политическая полиция без внимания и благонадёжность военнослужащих. В случае подозрения секретная агентура политической полиции брала солдат под наблюдение. При выезде подозреваемого за пределы губернии, в которой располагалась его воинская часть (например, в отпуск) наблюдение передавалось в жандармское управление по месту прибытия, где и решалось, какие силы необходимо задействовать для наблюдения. Причем, жандармские офицеры в случае необходимости поручали наблюдение за подозреваемыми представителям общей полиции, которые получали информацию о военнослужащих с помощью собственной агентуры.

С началом Первой мировой войны по империи прошла всеобщая мобилизация, которая поставила под ружье вчерашних крестьян и рабочих. Огромное скопление вооруженных людей в прифронтовых губерниях Российской империи, в том числе и белорусских, прибавило работы местным органам полиции и жандармерии. Взаимодействие армии с политической полицией усилилось. Для того чтобы информация, адресованная в структуры политической полиции, не задерживалась и как можно быстрее достигала адресата, для начальников ГЖУ на телеграфе был установлен особый адрес «НАЧЖАНД»⁴, а в жандармские управления поступали все приказы того военного округа, на территории которого это управление располагалось⁵. Практически с момента начала мобилизации в армию попадали революционно настроенные элементы, а также пацифисты⁶. Кроме того, революционеры-пропагандисты вели агитацию среди солдат. Жандармы задерживали их и помещали под стражу до окончания расследования. Интерес представляет то, что агитаторы не получали серьезного наказания. Например, некто И. Гурвич, занимавшийся в 1914 г. пропагандой среди военнослужащих, задерживался за аналогичную деятельность и ранее. Однако его все же выпустили под залог, а после рассмотрения дела он получил наказание в виде четырехмесячного содержания под стражей с учетом предварительного заключения. Вещественные доказательства после окончания дела были уничтожены⁷.

В октябре 1914 г. в белорусских губерниях у австрийских и немецких подданных было изъято все огнестрельное оружие и документы на право владения им. Исключение составляли только охотники, которым выдавались срочные свидетельства. Операцию потребовали провести очень быстро, все жалобы тут же направлялись губернатору с заключением жандармских или полицейских офицеров⁸.

Также возникали проблемы с мобилизованными. Временами они носили чисто бытовой характер. Так, эшелоны с новобранцами иногда задерживались на станциях из-за плотного железнодорожного движения, что давало лишнюю работу полиции. Например, на станции Пуховичи новобранцы разошлись по поселку и принялись грабить лавки и сады. Жандармский унтер-офицер в этот момент был возле состава и не знал, что делается в поселке. Туда направился пристав с 15 стражниками, которые и навели порядок⁹.

Во время войны всем мобилизованным частям было увеличено довольствие. Жандармское руководство обратилось к военному командованию с ходатайством о признании мобилизованными ГЖУ, расположенных на театре военных действий. Однако жандармам отказали, мотивировав это тем, что мобилизованными считаются только полевые управления, хотя и Главное управление, и Штаб корпуса жандармов были признаны мобилизованными, не являясь полевыми управлениями. Из жандармских управлений мобилизованными считались лишь те, которые располагались в пограничных с Германией и Австро-Венгрией местностях¹⁰.

Кроме того, в прифронтовых губерниях появилась еще одна проблема – дезертиры. При остановках санитарных поездов на семафорах из вагонов убегали некоторые легкораненые солдаты. Они возвращались в свои деревни или бродили по окрестностям в районе места побега. 9 декабря 1914 г. штаб Корпуса жандармов обязал свои местные подразделения обратить серьезное внимание на пресечение этого, а 17 декабря такое же распоряжение получила полиция. О побегах раненых жандармы должны были сообщать в штаб Корпуса, в ближайшие жандармские управления и губернаторам, которые, в свою очередь, передавали эту информацию полиции¹¹.

Проблема с дезертирами существовала вплоть до выхода России из войны. Методы поимки дезертиров становились все более изощренными. Так, в декабре 1916 г. в Полоцке полицейская стража оцепляла отдельные районы города и проводила облавы, которые длились на протяжении месяца. В результате было арестовано 80 дезертиров и 195 уклоняющихся. Подобные облавы проводили в Полоцком и других уездах Витебской губернии. Так, только за декабрь 1916 г. в Люцинском уезде было задержано – 40, Городокском – 47, Витебском – 54, а в самом Витебске – 25 человек. Однако проблема борьбы с дезертирством так и не была решена¹². Также полиция разыскивала военнослужащих, совершивших уголовные преступления. Так, в феврале 1917 г. вольноопределяющийся Лихачев убил офицера и бежал из части. Военское командование срочно сообщило об этом минскому губернатору, а тот, в свою очередь, – полицмейстеру¹³.

Дезертиры и отставшие от своих частей солдаты часто совершали разбойные нападения на мирное население, пытаясь добыть себе пищу и деньги. С этим боролись как полиция, так и жандармы. Причем, если обыватели смирялись со случившимся и даже не заявляли в полицию, то защитники правопорядка, узнав об этом, добивались того, чтобы пострадавшие все-таки провели опознание

солдат, бывших в тот момент в командировках в их местности. Однако в большинстве случаев эти опознания ничем не заканчивались. Видимо, преступления совершались именно дезертирами и отставшими от своих частей нижними чинами, а не командированными солдатами¹⁴. Сами военные, понимая, что дезертиры могут создать у населения негативное отношение к армии, обязывались оказывать полиции посильную помощь в расследовании этих дел¹⁵.

Кроме того, проблемы политической полиции доставляли и мирные граждане, поскольку у населения хранилось много различного оружия, в том числе и неразорвавшиеся снаряды, подобранные на местах боев. Не представляя, что они могут нести опасность, их гражданские владельцы показывали снаряды гостям, бросали на пол в присутствии любопытствующих. Естественно, что такое обращение с боеприпасами было чревато частыми взрывами. Обычно жертв было немного, поскольку население подбирало в основном мелкокалиберные снаряды, т. к. их было легче переносить и хранить. Жандармы расследовали случаи взрывов при неосторожном обращении гражданских лиц с боеприпасами, выясняя, кто, откуда и для какой цели подбирал снаряды. Также жандармам было поручено пресекать всякие попытки сбыта военными казенного имущества, поскольку солдаты продавали различные вещи своей амуниции, заменяя ее негодной¹⁶. В губерниях, находящихся на военном положении, была распространена и продажа трофейного оружия, в основном австрийского, которое продавали как военные, так и гражданское население¹⁷.

В прифронтовой зоне в обязанности полиции входила и проверка документов у лиц, прибывших в районы расположения армейских частей. Полицейские и жандармы следили за действиями немецкой авиации, сообщали о разрушениях после бомбежек, охраняли военные позиции. Распространяли жандармы и информацию о положении русских пленных в австрийских лагерях, а также занимались поиском военнопленных солдат противника, бежавших с работ, на которые их поставило русское командование¹⁸. Жандармы следили и за людьми, потенциально способными оказать разлагающее влияние на армию. Например, в Могилевскую губернию в 1916 г. прибыл некто Израилевич. Начальник ГЖУ тут же приказал установить за ним наблюдение, т. к. какой-то Израилевич в 1906 г. был заподозрен в подстрекательской деятельности среди новобранцев¹⁹.

Жандармские офицеры, в основном, командировались в органы армейской контрразведки, выполняя функции начальников КРО при штабах военных округов. Контрразведывательное отделение при штабе Виленского военного округа возглавлял ротмистр Беловодский. Структура отделения насчитывала около 50 сотрудников, основная масса которых работала в штабах, войсках и населенных пунктах приграничной полосы. КРО Виленского военного округа имело свою агентуру и за рубежом, в частности в Кенигсберге, Вене и других городах Германии и Австро-Венгрии. С началом войны по мобилизационному плану территория Беларуси вошла в состав двух военных округов: Минского и Двинского. Контрразведывательные органы были созданы при штабах не только округов, но и армий. Это привело к дефициту профессиональных контрразведчиков, поэтому в КРО стали попадать случайные люди, на что обратил внимание начальник Витебского ГЖУ Шульц. Все же, несмотря на это, контрразведка очень сильно осложняла работу иностранных разведслужб.

Однако при решении своих специфических вопросов и разведчики, и контрразведчики обращались за сведениями к жандармам губернских управлений. Губернские жандармские управления поставляли интересующую военных информацию, проверяли и уточняли присланные ими сведения.

Интересы разведки были самыми разнообразными. Ей требовалась информация о составе семей военнослужащих, подозреваемых в революционной деятельности и сотрудничестве с противником, также разведчиков интересовали социальное положение подозреваемых, девичьи фамилии их жен. Однако разведка интересовалась не только нравственностью и благонадежностью как уже попавших в плен военнослужащих, так и подозрительных людей, находившихся в тот момент в русской армии²⁰.

Близость фронта, загруженность полиции и, возможно, обычные бюрократические проволочки заставляли разведчиков повторять свои просьбы по 2–3 раза. Телеграммы терялись в потоке другой информации, попадали не по тому адресу. Это усложняло работу разведки и контрразведки. Информация, которую жандармам предлагалось проверить, была не всегда точной. Например, разведчики путали фамилии, имена, профессии подозреваемых. Все эти ошибки жандармы могилевского ГЖУ методично исправляли, отправляя информацию в разведотделения. Однако это не мешало разведчикам снова и снова просить жандармов проверять неточно поданные сведения²¹.

Особое внимание и армейские, и жандармские органы уделяли молодежи досрочных призывов. Требования сбора сведений об этой категории лиц всегда сопровождались пометкой: «К выполнению отнестись с особым вниманием и особой тщательностью»²². О призывнике, обратившем на себя внимание контрразведки, собиралась буквально вся информация: политическая благонадежность призывника, его жены (если женат), родителей, других родственников, которые «обращали на себя внимание властей». Также выяснялось вероисповедание призывника и его супруги, проверялось наличие паспорта и уточнялось место жительства²³.

Жандармами расследовались и такие случаи, когда призывники не стремились попасть на фронт. Например, в 1916 г. некто Лыбанов захотел пойти на службу в полицейскую стражу. Начальник Могилевского ГЖУ попросил своего помощника выяснить, не делается ли это с целью избегнуть призыва на военную службу. Проведенное расследование показало, что именно это является единственной причиной такого желания²⁴.

Все же, несмотря на военные действия, государственным чиновникам приходилось иногда посещать места непосредственного расположения русской армии. Военные к таким посещениям относились крайне подозрительно. Государственные служащие, имеющие доступ в «населенные пункты запрещенного района», могли собирать сведения в пользу противника. Особенно подозрительно военные относились к чиновникам с явно немецкими фамилиями. Например, зимой 1916–1917 г. помощник надзирателя третьего округа надворный советник Б. фон Рихтер попросил разрешения посещать «запретный район» по делам службы. Свое желание надзиратель мотивировал необходимостью борьбы с нарушениями акцизных уставов. Военные обратились к витебскому губернатору с просьбой предоставить сведения о фон Рихтере. Губернатор, в свою очередь, запросил об этом управляющего акцизными сборами. Интересно, что сведения о надворном советнике с немецкой фамилией, желающем отправиться в район непосредственного размещения боевых частей, военные не запросили ни у полиции, ни у жандармов. Проверка Рихтера тянулась до начала марта 1917 г., когда прекратилась сама собой. Так и осталось неясным, чем было вызвано желание чиновника побороться с нарушениями акцизных уставов в местах расположения фронтовых частей²⁵.

Близость фронта накладывала свой отпечаток на действия полиции и жандармерии. Блюстители порядка следили не только за поведением гражданского населения, но и за деятельностью противника. Так, минская полиция наблюдала за немецкими аэропланами над городом и за противодействием им русской позиционной артиллерии. Всю эту информацию полицмейстер передавал в канцелярию Главного начальника снабжений армий Западного фронта.

Однако помощь армейским структурам даже во время войны не являлась для жандармов губернских управлений первостепенной деятельностью. Такое положение дел наблюдалось даже на территории прифронтовой Могилевской губернии, в административном центре которой в то время располагалась ставка Главнокомандующего.

Таким образом, жандармерия контролировала политическую благонадежность военнослужащих, а во время войны – оказывала армии существенную помощь, выполняя некоторые виды деятельности, направленные на сотрудничество с военными. К сфере деятельности жандармерии относились и такие виды деятельности, как борьба с военным шпионажем, поскольку он мог повредить государственной безопасности, а также сбор сведений о всевозможных происшествиях в прифронтовых районах.

¹ Самбук С.М. Революционные народники Белоруссии (70-е – начало 80-х гг. XIX в.). Мн., 1972. С. 87.

² Там же. С. 208.

³ Филюшкин А. Рус, не спи в гробу! // Родина. 2000. № 10. С. 56.

⁴ Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). Ф. 705. Оп. 1. Д. 10. Л. 161.

⁵ Там же. Л. 81, 142.

⁶ Архивный фонд национального музея истории и культуры Беларуси (Аф НМИКБ). Ф. «научно-вспомогательный» № 4369/41.

⁷ НИАРБ. Ф. 2499. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

⁸ Там же. Ф. 705. Оп. 1. Д. 10. Л. 136.

⁹ Там же. Д. 18. Л. 252, 252 об.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 157, 159.

¹¹ Там же. Л. 139, 145, 145 об.

¹² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 622. Оп. 1. Д. 103. Л. 9, 10.

¹³ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 15. Л. 553.

¹⁴ НИАРБ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 18. Л. 15–16 об., 21, 22.

-
- ¹⁵ Там же. Л. 17.
¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 148–149 об., 151; Д. 63. Л. 19, 23.
¹⁷ Там же. Д. 10. Л. 149, 150.
¹⁸ НАРБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 15. Л. 540.
¹⁹ Аф НМИКБ. 3638. Л. 38.
²⁰ Там же. № 3638. Л. 74.
²¹ Там же. № 3638. Л. 74, 77.
²² Там же. №3638. Л. 608, 630, 633.
²³ Там же. № 3638. Л. 10.
²⁴ Там же. № 3638. Л. 71, 71 об.
²⁵ НАРБ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 112. Л. 72-78.

Библиотека БГУИР